

БЫТ ПРАВОСЛАВНОГО ЧЕЛОВЕКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ В.И. ДАЛЯ

Аннотация: В статье рассматривается русская повседневность и ее особенности через призму православной веры в произведениях В.И. Даля. Обзорный анализ избранных рассказов писателя показывает нам, что В.И. Даль, представитель натуральной школы, закономерно интересуется проблемой быта, считая, что даже малозаметные стороны жизни русского человека свидетельствуют о нем как о человеке православном. Безусловно, детальная прорисовка образа быта помогает раскрыть внутреннее состояние души человека и показать как его позитивные, так и негативные стороны.

Ключевые слова: В.И. Даль, православие, быт, нравы, национальный характер, традиции, обычаи, эстетика быта.

Цитирование: Савенков В.Н. Быт православного человека в произведениях В.И. Даля // Вестник Оренбургской духовной семинарии. 2022. Вып. 1 (22). С. 134–142.

Сведения об авторе: Савенков Василий Николаевич – студент второго курса бакалавриата по направлению подготовки 48.03.01 Теология Оренбургской духовной семинарии (Россия, Оренбург). E-mail: savenkovv591@gmail.com

Поступила в редакцию 27.02.2022

Принята к публикации 31.03.2022

В.И. Даль – писатель, который понимал и воспринимал культуру, быт и историю Российского государства через призму православной веры. Кажется парадоксом, что Даль, датчанин по происхождению, проникся российской православной культурой. Родители этого великого человека, и сам Даль до 1871 года, были лютеранами, но тем не менее вся жизнь, все творчество Даля – путь к Истине, путь к православию. «Я всю жизнь искал истины и теперь нашел ее» [6], – говорил он перед смертью. «Православие – великое благо для России... Сколько я ни знаю, нет добрее наше-

го русского народа и нет его правдивее, если только обращаться с ним правдиво... А отчего это? Оттого, что он православный... Поверьте мне, что Россия погибнет только тогда, когда иссякнет в ней православие» [6].

Вот это понимание обычаев и традиций, поиска истины в православной вере не могли не сказаться на творчестве писателя. Проза В.И. Даля, разнородная, многожанровая, нередко рассказывает нам о чудесах Божиих: и о громадной роли Божьего Промысла в жизни человека, и о его отражении на нравственном состоянии человека, и о быте, могущем поведать многое. Так, героиня рассказа оренбургского периода «Осколок льду» Маша Чернушкина, будучи схваченной неподалеку от Красногорской крепости на Оренбургской линии киргизами (так в XIX веке местные жители называли казахов), так говорит в трудный час эмиру, обещавшему ее отпустить: «...у вас своя вера, у нас своя; перед богом всякая вера хороша, коли она добро творит; я молилась за тебя по-своему, ты умирал, бог меня услышал, ты теперь здоров; не бывать бы этому, если бы я молилась по-вашему... воля его есть на то, чтоб всякий держал веру своих отцов!» [2, с. 190]. Такой проникновенный монолог встречается в рассказе лишь один раз (зато читатель подробно узнает, какая Маша работающая,мышленная, о том, что живет она в глиняном замке, и пр. – многочисленные бытовые подробности, а также и то, что она стойко отказывает женихам и что, хоть и притерпелась к неволе, но все же не до конца), но именно он подводит к кульминации – эмир отпускает Машу домой. При этом нельзя не упомянуть, что В.И. Даль был ярким представителем натуральной школы – стремился изображать жизнь в деталях, подробностях.

Бытовые мелочи могут становиться предметом внимания писателя, а также порождать особые и несколько странные, необычные для русской литературы сюжеты, как в рассказе «Кликуши». Чтобы увидеть роль бытовых деталей, характеризующих жизнь православных, возьмем три рассказа 1850–1860-х

годов – «Подкидыш» (1857), «Кликуша» (1861) и «Обмиранье» (1868).

В «Подкидыше» главный герой Семен Иванович, бедный заштатный служащий, вернувшись в свою квартиру, увидел, что жена его родила двойню. К его и так большой семье, в которой уже было семеро детей и которую сложно было прокормить, добавились «два нахлебника». О жизни семьи красноречиво говорит обстановка дома: «уголок его был вверх дном... На что ни взгляни – все грязь и лохмотья» [3, с. 199]. Его жена Анна Алексеевна принимает решение подкинуть обоих младенцев богатым людям и склоняет к этому несчастного, забитого мужа. Но в итоге герой возвращается с тремя младенцами: его замечает хозяин богатого дома, куда кто-то другой раньше подкинул ребенка. Эта неожиданная сюжетная коллизия вызывает недоумение у читателя: что же теперь служащему-бедняку, почти прототипу гоголевского Акакия Акакиевича, делать.

Ситуация кажется очень бедственной и трагичной, но жена Семена Ивановича задумывается и вспоминает о Боге: «Ложись с Богом; ты прав; от Божьего гнева да от Божьей милости не уйдешь» [3, с. 210]. И тут происходит то, о чем говорит нам Христос: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас» [1]. У героев все налаживается, и начинается череда чудес. Каждый в городе пытается поддержать героя: «все приняли самое живое участие в судьбе бедного чиновника» [3, с. 211]. Также Семен Иванович получает записку со ста рублями от матери чужого младенца, обещающей присылать ежегодно эту сумму для поддержки ребенка. И в конце концов герой получает штатное место в управлении, чуть ли, по его мнению, не министра. Хотя все вроде бы заканчивается хорошо, развязка рассказа парадоксальна: автор, представитель натуральной школы, хочет подчеркнуть, что буквального появления сказки в жизни не бывает. Так, роженица Анна Алексеевна была в молодости мотовкой, хотя и «разматывала» в год лишь около ста рублей. «Вам бы хотелось

видеть теперь картину довольства и порядка в доме и хозяйстве Семена Ивановича после стольких лет горя, нужды и голода? Да; и я бы дал за это дорого. Но этого не было и быть не могло.

Не голодали, а жили, впрочем, в таком же свинстве и грязи, а хозяйничали бестолковее прежнего. Семен Иванович наперед всего позаботился о платках и шляпках и других тряпках для Анны Алексеевны; она же, с своей стороны, ничего не умела сделать на пользу хозяйства и огромной семьи своей, как отсчитывать мелкие деньги да посылать раз по десяти на день одного из детей своих в лавочку» [3, с. 211].

Так, хотя и есть в жизни героев Промысел Божий, уберегающий их от большого греха, идеальными их назвать нельзя: именно бытовые подробности и позволяют Далю показать несовершенство человеческой природы.

В рассказе «Обмирание» Даль затрагивает совсем другую сторону бытового вопроса и открывает нам вечную истину, что «не перемена места нужна для счастья нашего, а перемена состояния души нашей, и постылое станет милым, и человек, сам не ведая как, услышит себя духом в небесном царстве» [3, с. 329]. Сперва автор описывает просторы необъятной матушки Руси, чьи территории «чем дальше от столиц наших на юг и на восток, тем простор становится шире» [3, с. 304]. Это все входит в концепцию дикого поля, которое, как «символ необъятного пространства востока и бесконечного времени» [5, с. 198], синтезирует душевные и духовные начала жизни русского человека и налагает отпечаток на его быт. После вводной части рассказчик знакомит нас с главной героиней повествования Авдотьей Власьевной, которая все свое имущество «заработала колотьбой и трудом, здравым смыслом и оборотливостью» [3, с. 306]; попав в трудную жизненную ситуацию, когда непонятно, где ты будешь жить завтра, наша героиня собирает последние гроши и принимается за торговлю. Это нам говорит о том, что Авдотья Власьевна – крепкий и очень верующий человек, ведь «без веры не торговля, а колотьба»

[3, с. 309]. Выкупив родовой домик с мыслью о том, что «Господь милостив к нам» [3, с. 310], она с миром на душе «исправила, ухитила его, убрала уютно» [3, с. 309]. Дом стал прямым отражением ее душевного состояния, так сказать, зеркалом, через которое мы видим отражение души, которая «вечно в цвету» [3, с. 308].

В дальнейшем повествование переносится на год вперед в праздничный день, и перед нашими очами предстают все те же бескрайние степи, такие манящие, но в то же время и таящие «множество опасностей» [5, с. 198]. Сначала рассказчик встречает молодую чету: «Проня в красной канаусовой косоворотке, в черных плисовых шароварах, а молодая его, статная светло-русская, так и сияла в шелковых переливах» [3, с. 312]. Описывая подробно одежду, Даль показывает, как трепетно люди относились к православному празднику, облакаясь в светлые одежды и преображаясь к торжеству, как внутренне, так и внешнее отлагая от себя всю ветхость и грязь мирской жизни. Потом наш взор переходит на дом, который уже не приветствует нас радостным видом и не призывает войти в это чудесное место, а показывает нам, что кто-то «разрушил благодатный мир и покой за зелеными ставенками... между тем как за ними душа томила и блекла» [3, с. 313].

В дальнейшем мы узнаем, что Авдотья Власьева сильно негодует на невестку, отчего душа ее получила сильную рану и утонула в болоте страсти, а через призму страсти и мир выглядит по-другому: «то оно становится слепо и глухо, и тупо к мудрой правде, оно слышит только себя, оно ненавидит все, что не может с ним согласоваться, и впадает в безумие» [3, с. 318].

И если бы не ее обмиранье – тяжелая предсмертная болезнь, во время которой невестка с плачем вымаливает у Господа душу болящей, так ничего и не поняла бы Арина Власьева. Она видит, что больше всех ее любит та, которой она причинила много горя своими придирками. Только после осознания, «что, кроме Бога, никто не помирят» [3, с. 325], у героини изменяется все, и «нет и следа безнадежного, отчаянного раздора, над коим и вчуже

надрывалось сердце, господствует любовь да совет...» [3, с. 325], «на душе-то у нас стало таково тихо и радостно» [3, с. 329]. В той же самой обстановке героиня рассказывает свою историю рассказчику, а возле нее бегают маленький внук. Именно тем и прекрасно «Обмирание», что через него мы приходим к вечной истине, что «не перемена места нужна для счастья нашего, а перемена состояния души нашей, и постылое станет милым, и человек, сам не ведая как, послышит себя духом в небесном царстве» [3, с. 331].

На фоне представленных рассказов очень интересен рассказ «Кликуши». В нем перед нами встает образ «кликушества», он показывает оборотную сторону медали жизни русского человека, воспитанного в православной среде, где истинная вера нередко граничит с суеверием.

Рассказчик, управляющий в большом имении, смог справиться с кликушеством. Он сделал интересный вывод о том, какие женщины становятся шалыми, бесноватыми. Истинных болящих среди них, как показывает финал рассказа, нет. Все они пополнили число голосащих в храме только из-за того, что они плохие хозяйки, стирать и готовить толком не научены, да и не хотят учиться: «в числе их не было ни одной путной, работающей хозяйки; все они наперед уже ославились в быту своем как нехозяйки и как неработницы, а затем уж попали в кликуши» [3, с. 247].

В данном тексте В.И. Далю удастся показать и то, как быт влияет на жизнь человека из православной среды, но, безусловно, неправославного по сути.

Итогом проделанного исследования могут быть следующие выводы. Художественные особенности произведений В.Д. Даля заключаются именно в том, что в них скрупулезно выписаны бытовые детали жизни героев. В обыденности, как сфере вещей, событий, отношений, автор поднимается на уровень осмысления творческого, нравственного, культурного и философского содержания жизни. Система персонажей всегда характеризуется с помощью бытовых подробностей, которые дают героям

характеристику не только с социальной точки зрения, но и психологической и даже нравственной.

Литература

1. Библия. Священное Писание Ветхого и Нового Завета. – Москва ; Киев : Типография Киево-Печерской Успенской Лавры, 1982. – 943 с.

2. В.И. Даль. Оренбургский край в художественных произведениях писателя / сост. А.Г. Прокофьева [и др.]. – Оренбург : Оренбургское книжное издательство, 2001. – 416 с.

3. Даль, В.И. Архистратиг / сост., предисл., примеч. В. Мельника. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2006.

4. Дубцова, Е.К. Русское ядро и азиатская периферия в пространстве Оренбуржья // В.И. Даль в мировой культуре : сб. науч. работ. – Луганск : ЛНУ им. Т. Шевченко, 2012. – С. 198–207.

5. Дубцова, Е.К. Этнологическая основа «оренбургских» произведений В.И. Даля и Н.Н. Степного // В.И. Даль в мировой культуре : сб. науч. работ. – Луганск : Восточно-Украинский национальный университет им. В.И. Даля, «Русский мир», 2012. – С. 198–207.

6. Мельник, П. Воспоминания о Владимире Ивановиче Дале // Русский вестник. – 1873. – № 3. – С. 330–339.

7. Панченко, А.А. Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект. – М. : ОГИ, 2002. – С. 324–341.

8. Федосюк, Ю. Что непонятно у классиков, или Энциклопедия русского быта XIX века. – М. : Флинта. Наука, 1998. – 264 с.

THE LIFE OF AN ORTHODOX PERSON IN THE V.I. DAL'S WORKS

Abstract: The article examines Russian everyday life and its features through the prism of the Orthodox faith in the works of V.I. Dal. A review analysis of the selected stories of the writer shows us that V.I. Dal, a representative of the natural school, is naturally interested in the problem of everyday life, believing that even the subtle aspects of the life of a Russian person testify to him as an Orthodox person. Of course, a detailed drawing of the way of life helps to reveal the inner state of a person's soul and show both its positive and negative sides.

Key words: V.I. Dal, Orthodoxy, everyday life, customs, national character, traditions, customs, aesthetics of everyday life.

References

1. Biblija. Svjashhenoe Pisanie Vethogo i Novogo Zaveta [The Bible: The Holy Scriptures of the Old and New Testaments]. Kiev; Moscow, 1982, 943 p.
2. Dal' V.I. Orenburgskij kraj v hudozhestvennyh proizvedenijah pisatelja V.I. Dahl [The Orenburg Region in the literary works of the writer / comp. by A.G. Prokofieva [et al.]]. Orenburg, 2001, 416 p.
3. Dal' V.I. Arhistratig [Archistratigus / comp., preface, note by V. Melnik]. Moscow, 2006
4. Dubtsova E.K. Russkoe jadro i aziatskaja periferija v prostranstve Orenburzh'ja [The Russian core and the Asian periphery in the Orenburg region]. In *V.I. Dal' v mirovoj kul'ture: sb. nauch rabot* [V.I. Dal in the world culture: collection of scientific articles]. Lugansk, 2012, p. 198–207.
5. Dubtsova E.K. Jetnologicheskaja osnova «orenburgskih» proizvedenij V.I. Dalja i N.N. Stepnogo [Ethnological basis of the “Orenburg” works of V.I. Dahl and N.N. Stepnoy]. In *V.I. Dal' v mirovoj kul'ture: sb. nauch rabot* [V.I. Dal in the world culture: collection of scientific articles]. Lugansk, 2012, p. 198–207.

6. Melnik P. Vospominanija o Vladimire Ivanoviche Dale [Memoirs about Vladimir Ivanovich Dal]. In *Russkij vestnik* [Russian Bulletin]. 1873, No. 3, pp. 330–339.

7. Panchenko A.A. Hristovshhina i skopchestvo: fol'klor i tradicionnaja kul'tura russkih mističeskikh sekt [Christovschina and the Flock: folklore and traditional culture of Russian mystical sects]. Moscow, 2002, pp. 324–341.

8. Fedosjuk Ju. Chto neponjatno u klassikov, ili Jenciklopedija russkogo byta XIX veka [What is unclear among the classics, or the Encyclopedia of Russian life of the XIX century]. Moscow, 1998, 264 p.